

умным».¹ Социальная суть этой драмы, однако, не позволяет относить ее к театру, который доселе назывался собственно «школьным», т. е. к официальному театру славяно-латинской академии, который находился под контролем чиновного духовенства и который, нам кажется, следует строго отличать от вольных любительских студенческих и полустуденческих театральных представлений.

Отметим полутно, что когда историку старинного русского театра П. О. Морозову в свое время пришлось решать аналогичный вопрос о том, где и когда созданы и представлены были две изданные им² дотоле неизвестные пьесы: об Индрике и Меленде и другая — о царе перском Кире и царице скифской Тамире (кстати, имеющие общее с нашей пьесой по типу и стилю), — то названный ученый совершенно справедливо, хотя и обходя наиболее надежный в таких случаях классовый анализ, решил этот вопрос в пользу «любительской труппы Московского госпиталя или той компании студентов и подъячих, которые на святках и маслянице устраивали балаганы и разыгрывали в них, между прочим, «Евдона и Бероу».³ Автором пьесы об Индрике и Меленде, «по всей вероятности, говорит П. О. Морозов, был один из учеников славяно-латинской академии, которых доктор Бидло переманивал в свой госпиталь».⁴

К такому заключению названный ученый пришел как отрицательным путем, путем выявления невозможности отнести эти драмы к какому-либо официальному театру петровского и ближайшего к нему времени (20—30 годы),⁵ так и путем положительного анализа, исходя из более или менее самостоятельного типа этих пьес, свободы от тогдашней рутинности, наличия в них стихотворного размера, языка без варваризмов, но с украинизмами, наконец, намеков на реализм в изображении главной героини Меленды (ср. подобное в обрисовке Иудифи). В этих и подобных пьесах

¹ В прологе: «Мы убо, благоохотни зрителие, умыслихом ныне лицецерению вашему сипеевое чудо на сем нашем малоразумном театре седмьюнадесят сцениами показати» (там же, стр. 197). Ср. в эпилоге: «Мы же, малоумные и неискусные суще, . . . надеемся, яко и на сем нашем сценическом театре предьявляюще действие сие, много посрамимомся. . .» (стр. 228—229).

² П. О. Морозов. История рус. театра . . . СПб., 1889, Приложение, стр. I—XXIX.

³ Там же, стр. 279.

⁴ Там же, стр. 281.

⁵ Между прочим, первым путем шел Б. В. Варнеке, приписывая составление и исполнение изданной В. Н. Перетцем (Памятники русской драмы эпохи Петра Великого, стр. 493—558) «Шутовской комедии» — «тем разночинцам из приказных и грамотных дворовых людей, в руки которых перешел наш театр после смерти Петра». (Б. В. Варнеке. Из истории русского театра в начале XVIII века, Казань, 1905, стр. 22; отд. отт. из «Изв. Общ. арх., ист. и этн. при Каз. у-те», т. XXI, вып. 4.)